

Irena Rudziewicz

Гоголевские традиции в прозе Сергея Залыгина

Acta Polono-Ruthenica 12, 39-48

2007

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Irena Rudziewicz
Olsztyn

Гоголевские традиции в прозе Сергея Залыгина

Развитие литературы связано как с особенностями литературного процесса данного периода, так и с изменениями общественных интересов и потребностей. Видно это в творчестве Сергея Залыгина (1913–2000), которое тяготеет к формам, близким классическому реализму, творчеству русских писателей-классиков¹, между прочим достижениям Николая Гоголя (1809–1852). Творчески используя так называемый фантастический реализм, Залыгин осваивает, развивает и продолжает традиции Гоголя, отталкиваясь от них, становится на путь их обновления.

В произведениях Залыгина последних лет очевидна литературная традиция, видны элементы следования классической прозе, особенно принципам Гоголя, который, по словам современного писателя, „угадал столько путей, столько возможностей, заложенных в литературе [...] угадал не теоретически, а реализуя каждую возможность в конкретном и опять-таки бессмертном произведении”².

При помощи фантастики, элементов реализма, выраженных в фантастическом обрамлении, Залыгин, подобно Гоголю, наиболее наглядно, убедительно и полно отражает и описывает окружающую действительность, людей конца XX века, показывает отрицательное и разрушительное воздействие на человечество индивидуализма, безответственного отношения к природной среде, эгоистических и безнравственных контактов с живой природой.

В прозе Залыгина последних лет наблюдается и потребность развития новых элементов условности, необходимость обновления и расширения эстетических возможностей, образования иных жанровых форм, благодаря

¹ См. и. др.: И. Рудзевич, *Залыгин и Чехов. Некоторые проблемы творческого следования классической традиции*, „Rocznik Naukowo-Dydaktyczny. Filologia Rosyjska”, Rzeszów 1989, z. 7(68) с. 155–163; idem, *Традиции Максима Горького в творчестве Сергея Залыгина*, „Acta Polono-Ruthenica VIII”, Olsztyn 2003, с. 139–149; idem, *Некоторые аспекты творческого следования Толстовским традициям в прозе Сергея Залыгина*, [в:] *Lew Tolstoj i kultury słowiańskie*, pod red. B. Białokozowicza, Olsztyn 2005, с. 63–72.

² С. Залыгин, *Литературные заботы*, Москва 1979, с. 207.

обращению в сферу науки, фактов, документов, использованию особенностей эссе, очерка, публицистики, научных трудов и исследований.

Приближение Залыгина к истокам художественной и нравственной культуры произведений Гоголя сказывается в расширении сказочных образов, фантастических элементов, в развитии образного мышления, во всё более глубоком понимании истории, места человека в обществе и природном мире. Исследуя преемственность литературных традиций Гоголя в творчестве Залыгина, следует подчеркнуть использование традиционных формул сказки, сказочных форм для проявления аспектов реализма, для яркого, чёткого и правдивого представления окружающей людей обстановки.

Писатели, показывая настоящее, постоянно возвращались в прошлое и будущее, существовали „в двух орбитах: современной и исторической”. Они чувствовали „современность, её пульс, её проблемы, но в то же время, почти как историк, только своими средствами, но постоянно проводили параллели между настоящим и прошлым, пусть иногда недалёким, но всё-таки прошлым”³.

При анализе проблем преемственности в литературе, аналогий и текстуальных созвучий между отдельными произведениями и различными писателями очень важным, согласно теории А. Бушмина, является возможность выявления не только отдельных элементов сходства, а прежде всего открытие того, что „характеризует общность творческих замыслов, единство или близость идейно-эстетических принципов”⁴.

Залыгин уверен, что современные русские писатели, в том числе и он сам – это преемники творчества народного, выразители русского характера, русской народной души, а даже, считает писатель, „её классичности. Не знаю кто как, но я уверен в том, что наша классика существует и нынче. Что она – среди нас”⁵, воздействует как на современных писателей, так и на современного человека. Происходит это потому, что „человеческое сознание продолжает нуждаться в реализме, в нём оно видит выход из создавшегося положения”. Залыгин полагает, что „письмо Толстого или Чехова не должно повторяться нынче, реализм не был бы самим собой, если бы оказался глух к новым потребностям новых людей, но его дело – по-прежнему называть вещи своими именами и делать это ради жизни на Земле”⁶.

Залыгин многократно отмечал возрастание волны интереса среди современных писателей к творчеству Гоголя, подчёркивал внимание

³ Ibidem, с. 344.

⁴ А. Бушмин, *Наука о литературе*, Москва 1980, с. 117.

⁵ С. Залыгин, *Позиция*, Москва 1988, с. 278.

⁶ Ibidem, с. 280.

„которое современная литература проявляет к своим первоисточникам: очень многое в ней, нынешней, идёт от Гоголя”⁷. Он „создал таблицу человеческих образов и характеров”; „был предтечей если не всех так очень многих современных литературных направлений”; „он полностью умел подчинить сатире не только сарказм, но и целую гамму чувств и направлений”; открыл „разнообразие жанров и направлений” и в них выразил „до боли заостренное критическое отношение к действительности”⁸.

В своих высказываниях о Гоголе Залыгин многократно подчёркивал превосходное умение автора *Мёртвых душ* описывать природу. В этом видит взаимосвязь классического творчества Гоголя и современности. Пейзаж как для Гоголя, так и для самого Залыгина был необходим для раскрытия души героя, её сущности, глубины человеческой психики, отношения к жизни, духовного мира личности. Для обоих писателей пейзаж не был самоцелью. Использовали его для выделения своего героя из окружающего мира, среди других персонажей, ограничения места действия, его определения.

Вводя в действие героев произведения *Тарас Бульба*, Гоголь рисует место их пребывания, даёт подробный и образный утренний пейзаж степи, который подействовал на них оживляющее, разбудил энергию, силу, желание активности, поступков и действий.

Солнце выглянуло давно на расчищенном небе и живительным, теплотворным светом своим облило степь. Всё, что смутно и сонно было на душе у казаков, вмиг слетело; сердца их встрепенились, как птицы. Степь чем далее, тем становилась прекраснее [...]. Ничего в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов [...]. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался бог весть в каком дальнем озере. Из травы подымалась мёртвыми взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха [...]⁹.

Природный мир и у Залыгина выступает обычно как среда, как фон, определяющий действия и душевное состояние героев. Пейзажи уточняют обстановку действия, являются своеобразным предсказанием драматических

⁷ С. Залыгин, *Литературные...*, с. 206.

⁸ Ibidem, с. 206, 298, 209, 211.

⁹ Н. Гоголь, *Тарас Бульба*, [в:] idem, *Собрание сочинений в семи томах*, т. 2, Москва 1966, с. 52-53.

событий, острых сюжетных коллизий, выражают движение времени и столкновение характеров, идей и взглядов. Описания родной природы сливаются, трансформируются и естественным образом переходят в характеристику героев, подчёркивая их богатый душевный мир.

Стоял март месяц девятьсот тридцать первого года. Неделю буранило сильно, замело дороги, избы по самые крыши замело. После буран утишился [...]. Погода настала ясная, мужики говорили – это последний в нынешнюю зиму играл бурьян. Теперь ударить мог ещё морозец прощальный, либо сразу пойдёт к теплу [...].

До того хорош, до того прекрасен вольный мир, до того певуч и снежным хрустом, и ночной тишиной, а больше всего любит он молчать о судьбе твоей.¹⁰

Как видно, у обоих писателей особое место отведено пейзажу, который пронизывает их произведения, усиливает звучание размышлений героев, увеличивает их знания и понимание происходящего. Сочетание конкретно-пейзажных примет, живописных описаний явлений природы существует наряду с обобщёнными раздумьями персонажей, навеянными чаще всего увиденными природными картинами, последствиями действий законов природы. Эти описания как у Гоголя, так и у Залыгина не только живописны, зрительны, лиричны и грандиозны, но ещё и удивительно красочны и озвучены. Писатели используют всю гамму ярких красок и разнообразных звуков. Их герои многократно черпают свою силу и значимость в изучении и наблюдении природы, описанной обычно живо, обаятельно, тепло, с точными деталями, эмоционально, лирично, поэтично, живописно и с широкой звуковой гаммой.

Для Гоголя в *Мёртвых душах* лиричен, чуден и грандиозен Днепр при тихой погоде, полный ослепительных красок, яркий картин, резкого света. Описание приводит в восторг, заставляет задуматься, всмотреться в окружающий мир, передать движение человеческой мысли, его эстетический подход и нравственность в конфликтах с людьми и природой.

Диалог Устинова с природой в романе Залыгина *Комиссия* опирается на мастерски написанные пейзажные картины, особенно весеннего поля, пахоты, видов Белого Бора. Образы увиденного природного мира, подробные красочные и озвученные описания пейзажей приводят к раздумьям о смысле жизни, о справедливости, к эмоциональной реакции

¹⁰ С. Залыгин, *На Иртыше*, [в:] idem, *Собрание сочинений в 4-х томах*, т. 1, Москва 1979, с. 477, 501.

героя, вызванной философскими раздумьями, психологическим состоянием души. Под влиянием природы Устинов размышляет над загадками жизни, ищет пути к их пониманию, бьётся над вечными вопросами жизни и смерти. В его наблюдениях над природным миром живёт и пульсирует напряжённая человеческая мысль в поисках истины, красоты, правды и справедливости, усиливается мечта, чтобы человеческую „жизнь на этой земле тоже ладно и хорошо устроить”.

Нынче время осеннее, заморозки уже были, иней были, снежок был, а вот зимы не было, не торопилась зима со своим приходом, и в обед солнышко грело землю аккуратно каждый день, пашня отходила от ночных заморозков и, усталая, принималась дышать, Устинов предполагал, что в эти часы он сможет её поухватить, сдвоить летний пар [...] и что главное, чем его собственное пашенное дело, Устинову не встречалось. Да и что может быть главное хлеба?¹¹

Обращение к оригинальному и своеобразному творчеству Залыгина даёт возможность говорить о восприятии писателем разнообразных традиций русской классической литературы, в том числе и Гоголя, которые сводятся к общности идейных и творческих задач, к общему эстетическому и нравственному отношению к действительности и человеческой личности, идут от сходства стилевой манеры, эпического материала, нравственно-философских взглядов и художественных приёмов. Писатели пристально и постоянно вглядываются и исследуют нравственные основы личности героев, раскрывают противоречия внутри сознания своих разнообразных персонажей, обычно людей простых, обыкновенных, ведут поиски основ человеческого поведения.

В разных исторических, социальных, временных условиях, постоянно обновляя и используя различные жанровые возможности и художественные приёмы писатели непрерывно обращали внимание на исключительность и неповторимость характеров людей, утверждали необходимость борьбы за высокую нравственность человека, его духовность и слитность с миром природы. Изображая внутренний мир героев, их духовные сомнения, нравственные критерии поведения, писатели рисовали свою эпоху, вели поиски ответов на наиболее насущные и острые конфликты своего времени, стремились разрешить важнейшие национальные, нравственные, философские, исторические и общественные проблемы и противоречия, вопросы и споры.

¹¹ С. Залыгин, *Собрание...*, т. 4, Москва 1980, с. 112, 107.

Используя живописный язык, своеобразную образную систему, идейный подтекст и художественную точность, писатели поднимали общую для человечества всех времён тему борьбы светлого, доброго, гуманного мира с жестоким, несправедливым, мертвящим бытом, за нравственные законы и нормы, за справедливые и гуманные формы жизни. Залыгин, как и Гоголь „чувствует современный стиль, – стиль творческий и повседневный, стиль всей окружающей его жизни, он стремится их уловить наиболее точно и выразить наиболее полно, в то же время он всегда находится во власти творческой традиции [...]”¹².

Идеи моральной философии многих героев *Сибириады* Залыгина во многом сходны, соответствуют нравственному миру гоголевских *Петербургских повестей*. Описания главных героев становятся средством изображения их внутренней жизни, духовных переживаний и устремлений. Многоплановые параллели и сходства, принципы художественной образности возникают между подходом писателей к нравственности героев, их стремлениям к обновлению общества, мира, самого человека, выражаются в поисках гармонии человеческой жизни с обществом и миром природы.

Значительные и разнообразные связи между писателями относятся к философским и моральным концепциям жизни, к писательской эстетике, к близости и родственности творческих задач и подхода к миру окружающей среды, определяются поисками положительных и нравственных основ человеческой жизни, морали в каждой личности и позитивных сторон общественных отношений.

Залыгин в новом освещении, на новом этапе развития русского общества, в новое историческое время исследует и освещает многие образы и сюжетные ситуации характерные для Гоголя. Он, как и русский классик, создаёт свои произведения, „изучая общество, реальный быт, реальные ситуации”, а на основе знаний и фактов, реальных случаев и событий пытается объяснить „смысл жизни и все те нравственные устои, все те законы поведения людей, соблюдая которые [...] они будут и счастливы, и справедливы, и благородны”¹³.

Творцов сближает мысль о долге писателей перед народом, раздумья о необходимости представлять людей нравственных, размышляющих о добре и зле, красоте и искусстве, природе и обществе. Независимо от

¹² С. Залыгин, *Литературные...*, с. 345.

¹³ *Ibidem*, с. 224, 228.

литературных жанров, изображаемых характеров, героев, ситуаций, тем нравственность для обоих писателей была основана на морально-этической памяти поколений, особенно крестьянства, влияла на смысл, ценность, оправдание человеческой жизни, её существование. Невыдуманные жизненные ситуации, достоверные динамичные происшествия, разнообразны характеры, социально-бытовые подробности используют писатели для отражения правдивых отношений между людьми.

Очень характерное сочетание фантастического с реальным в поэме Гоголя *Мёртвые души* в представлении и характеристике дворян и помещиков русской провинции находим и в произведениях Залыгина. Исследовать русских помещиков начинает Гоголь с образа Коробочки. Через характеристику Ноздрева, реально-фантастическое описание Собакевича доходит до почти неправдоподобного, фантастического описания сказочно-заколдованного двора Плюшкина, который охраняется предельно скупым, бездуховным, внутренне пустым и мёртвым хозяином. Это сочетание реалистического, подробного описания отдельных героев со сказочно-гиперболическим обобщением характерно и для многих произведений Залыгина. Такой же приём создания одновременно и реального и фантастического, перехода из мира реального в мир фантазии и сказки использовал Залыгин в своём фантастическом повествовании *Оська – смешной мальчик*.

В этом произведении наиболее ярко проявился интерес Залыгина к сказке, в которой автор применяет „фантастический приём чаще всего к материалу современному, и даже – к наиболее злободневному”¹⁴. Обращаясь к художественной условности, творческому эксперименту, сказочным элементам, писатель остаётся верен жизненным обстоятельствам, формам реального быта, подробным наблюдениям. Сказочность и условность вырастают в реалистическую ткань произведения, служат углубленной, психологической, индивидуальной характеристике героев, становятся элементами художественной системы.

Повесть *Оська – смешной мальчик* – это философская аллегория, где наступило противопоставление реальности и фантастики на „внутреннем, идейно-философском уровне”. Для передачи всех черт в жизни личности и современного общества, принесенных эпохой НТР, Залыгин использует художественный эксперимент, прибегает к условной образности и условно-фантастическим приёмам, переплетая фантастику и реальность, сталкивая

¹⁴ Ibidem, с. 91.

стихию фантастики и реального искусства, что было характерно и для многих произведений Гоголя (*Миргород*, *Вечера на хуторе близ Диканьки*, *Тарас Бульба*).

Фантастические и реально-бытовые элементы, контрасты добра и зла, трагического и комического используют писатели для выражения внутренней психологии героев, для показа реальной действительности и обобщения типичных черт русского характера.

Связь сказочного мира и фантастики с реалистической трезвостью так характерной для неповторимого, особого мира гоголевских произведений видна и в творчестве Залыгина. В романе *Комиссия* (1975) и в некоторых последующих своих произведениях писатель использовал формы фантастической образности, художественную условность, фольклорно-сказочные сюжеты и элементы поэтической символики, подчёркивая духовно-нравственные поиски героев. Всех персонажей Залыгин проверяет и испытывает их отношением к традиционным ценностям: к труду, красоте и любви, природе, другому человеку и вообще жизни.

Сказки, легенды, притчи, выступающие в романе *Комиссия*, усиливают духовные ценности, нравственные истины, жизненный опыт и философию жителей села, формируют их память, заставляют вспоминать историю своего происхождения, утверждают народную мудрость, указывают на необходимость связи с природой и с другими людьми, что создаёт атмосферу единства и помогает „жить между собою дружно, семейно, не делать больших грехов один против другого”¹⁵.

Героев, существующих в настоящем, в реально-историческом пространстве и времени, писатель проверяет через сказочный мир преданий и легенд, в свете нравственного опыта народа, раскрывая их внутренний мир, духовные искания, стремления и мечты о будущем. Миф, сказки, легенды непосредственно входят в современную жизнь героев, для более глубокого её постижения и полного понимания; сказочное и реальное постоянно пересекаются, углубляя содержание характеров.

Актуальная проблематика сочетается с типами народного сознания, связанного с „формами народно-поэтического мышления, тяготеющего к символике, иносказанию, условности”¹⁶. Как и у Гоголя все драматические противоречия, конфликты жизни, трудности реального быта связаны с народными представлениями о нравственных нормах и законах

¹⁵ С. Залыгин, *Собрание...*, т. 4., Москва 1980, с. 93.

¹⁶ Т. Вахитова, *Русская литература и развитие прозы 60-70-х годов*, „Русская литература” 1979, № 2, с. 229.

человеческой жизни, с народными изображениями сущности добра и зла. В стремлении утверждать в жизни светлое, доброе, гармоническое и счастливое Залыгин, как и Гоголь, опирается и использует народные поэтические средства, обращается к фольклору, к сюжетным мотивам народного творчества.

В языковой и образной системе романа *Комиссия*, как и во многих произведениях Гоголя, сказки, фантастика занимают значительное место, усиливая их эпичность, фольклорность, эмоциональность, сказовость, подчёркивая роль символов, аллегорий, гротеска, иносказаний и подтекста, влияют на композиционный строй текста. *Комиссия* – это многослойное, гармоническое целое, состоящее из двух повествовательных пластов: конкретного, исторического, авторского и сказового, прочно сплавленных воедино для более полного и ёмкого раскрытия мироощущения персонажей, воссоздания динамики происходящего.

В последних произведениях Залыгин продолжает осваивать, развивать и обновлять литературные приёмы и принципы фантастического реализма Гоголя, сказочные элементы и формы его творчества. Используя фантастику, традиционную формулу сказки, следуя гоголевским принципам создания героев, Залыгин активно и органически включается в проблемы действительности, в споры и полемику послеперестроечной эпохи, доказывает необходимость сохранения всех нравственных норм и законов для гармонического развития человечества.

Опираясь на художественные приёмы гоголевского творчества сочетания реалистического содержания с элементами сказочной поэтики, Залыгин в последних своих рассказах (*Коровий век*, *Санный путь*, *Наши лошади*, *Фестиваль*, *Мой летаргированный папа и я сам*, *Анекдоты из жизни Кудашкина А.Я.* и другие) показывает отрицательные и разрушительные результаты воздействия индивидуализма, безответственности, безнравственности, чрезмерного увлечения техникой как на личность, так и на общество. В своих суждениях и позициях остаётся самостоятельным, оригинальным и требовательным в утверждении нравственного идеала в современном человеческом характере, в показе суровой и трудной правды времени, жестокой реальности окружающей действительности.

Как видно, воздействие Гоголя на творчество Залыгина было разнообразным. Писатель непосредственно выразил своё отношение к русскому классику в работе, анализирующей личность, художественные достижения и место автора *Мёртвых душ* в литературном процессе, обращая особое внимание на гениальность и трагедийность судьбы Гоголя.

„[...] Пониманию и ощущению гоголевской традиции, – утверждает Залыгин, – предстоит ещё дальнейшая эволюция, параллельная, а может быть, и слитая с предстоящей эволюцией и судьбой человечества”¹⁷, а вопрос об его образной системе, конкретной художественной традиции в современной литературе, о реальном влиянии на многих писателей остаётся актуальным.

“Да, традиции живы, – подчёркивает Залыгин, – они живы всегда, не было ещё случая, чтобы традиции, которые создали памятники мирового искусства, сами, созданные ими, исчезали бесследно.

Они живут, учат, приобретают и теряют и в наших глазах, и сами по себе, только мы не умеем как следует наблюдать за их жизнью, обнаруживать их существование и значение сегодня, в нашем быстротекущем времени”¹⁸.

Streszczenie

Tradycje gogolowskie w prozie Siergieja Zalygina

W artykule przedstawiono stosunek Siergieja Zalygina do twórczych dokonań Nikołaja Gogola. Porównując wybrane utwory obu pisarzy, pokazano formy oddziaływania i niektóre elementy wpływu poetyki Gogola na twórczość Zalygina. Skoncentrowano uwagę na widocznych zależnościach w podejściu do spraw moralnych i w stosunku bohaterów do otaczającej rzeczywistości. Szczególną uwagę zwrócono na fantastyczno-bajkowe aspekty występujące pod wpływem tradycji klasyka rosyjskiego w ostatnich utworach współczesnego pisarza.

Summary

Gogol's traditions in Sergey Zalygin's prose

In the article an attempt was made to present Sergey Zalygin's attitude to Gogol's literary output. On the basis of a comparative analysis of both writers' selected Works, relationships, form of effect and particular element of the influence of Gogol's poetic on Zalygin's output were show.

Special attention was paid to fantasy and fairy-like aspects manifesting themselves under the influence of tradition on the part of the Russian classic in the last works of the contemporary writer. Some relations and interrelationships between the two writers connected with moral matters and heroes' attitude to the surrounding reality were concentrated on.

¹⁷ С. Залыгин, *Литературные...*, с. 229.

¹⁸ Ibidem, с. 365.